

ПРЕЗЕНТАЦИИ НА КУБАНИ

Немногим нашим станицам выпала такая честь, чтобы в её летописцах, пусть и недолго, значился сам Федор Андреевич Щербина.

13 (26) февраля 2014 года исполнилось 165 лет со дня рождения известного кубанского учёного, историка, писателя и общественного деятеля Фёдора Андреевича Щербины. К памятной дате на Кубани были приурочены сразу несколько презентаций недавно вышедшего из печати третьего тома его воспоминаний.

Накануне этого дня руководитель краевого фонда памяти Ф.А. Щербины Сергей Левченко и Сергей Корбан, атаман станицы Новодеревянской, родины историка, посетили станицу Бриньковскую. Её жителям был представлен третий том воспоминаний - описываемые в нём события происходят как раз в Бриньковской. Как и предыдущие два тома, книга была издана на средства фонда Олега Дерипаски "Вольное Дело".

Атаман станицы Новодеревянской С.Г. Корбан (справа) вручает книги главе станицы Бриньковской В.А. Лозе. Кроме администрации, станичных музея, казачьего общества и библиотеки, книги были подарены также располагающемуся в Бриньковской Приморско-Ахтарскому казачьему кадетскому корпусу.

Крайним фондом памяти Ф.А. Щербины издан 3-й том его воспоминаний «Пережитое, передуманное и осуществлённое». Издание тиражом в 2 тыс. экземпляров вновь осуществлено при поддержке фонда Олега Дерипаски «Вольное Дело» в рамках программы «Историко-культурное наследие Кубани». Научный редактор издания Чумаченко В.К. пишет: «Третий том воспоминаний Ф.А. Щербины вновь переносит нас на Кубань, в историческую Черноморию. В создании сельскохозяйственной артели согласились принять участие, помимо Ф. Щербины, еще четверо семинаристов: Яков и Григорий Попко, Кирилл Грачев и Василий Архангельский, покинувшие ради этого последний курс Кавказской духовной семинарии. Местом эксперимента, призванного потрясти государственные основы, выбрали станицу Бриньковскую, где служил дядьком отец К. Грачева. Работая в артели, Федор Андреевич освоил все сельскохозяйственные премудрости: считался лучшим косцом («водил перед») и был отличным плугатырем».

Особый интерес, безусловно, 3-й том воспоминаний представит для жителей современной Бриньковской – ведь все герои книги взяты из жизни и действуют под настоящими именами. Станица Бриньковская принадлежала к числу самых глухих и слабо затронутых культурным влиянием извне станиц, несмотря на очень благоприятные естественноисторические условия: обширный Бриньковский лиман, самая мощная степная река – Бейсуг, «князь степных вод» в переводе с татарского языка, обширная плодородная степь.

«Бриньковское население не сразу обратило на нас должное внимание, — пишет Ф.Щербина. — И сам Свиридонович подумал, что к отцу Петру приехали знакомые – «скубенти», которые поживут-поживут и

уедут к себе. Но позже, когда узнали тайну немецкого плуга, их признали людьми не легкомысленными, а полезными для станицы и в некоторой степени даже своими, так как по происхождению мы были свои, казаки».

Казаки, как и Свиридонович, не видели в ассоциации примера для подражания. Свиридонович высказался так: «Мени це дило не з руки. У мене мається своя «сацияция» — два сына, дві невестки та я з старою, велика симья. У нас все добро налажено и як по маслу иде. Якои ж трэба нам ще «сацияции»? Може оно у вас и вийде, так тильки тоди и вы скажете «гоп!», як воно у вас выскоче!»

«В течение первой недели мы возились с распашкой целины — пять дней ушло на пахоту, а шестой — на посадку семян на баштане и на посев проса и льна. Затем, во всё остальное время, работы производились в две смены: двое пахали мягкие земли немецким плугом, а двое скородили вспаханную землю и сеяли; они же вели кухню — готовили обед, а завтрак, полдник и ужин мы устраивали все сообща. Во время дождливых дней они, по выражению Ф. Щербина, «кейфовали»: спали, читали, вели разговоры»

Может быть, описания трудовых будней ассоциации покажется кому-то излишне подробным и детализированным. Но автор, предвидя это, пишет: «Вся жизнь слагалась из подобных мелочей, и кардинальный для земледельца вопрос о реализации продуктов его трудового года на торговых рынках так был опутан разного рода мелочами, как паутиной».

Многим читателям могут показаться интересными описания разных людей и характеров казаков. Васька Орлов, однокурсник по Кавказской духовной семинарии, высказывает своё мнение: «Черноморцы ваши — люди иного сорта, люди умные, сметливые и, как хохлы, себе на уме. Я нарочито останавливался в некоторых станицах, чтобы присмотреться к ним. Коли ты чужой для них человек, лишнего слова у черноморца из зубов не вырвешь. Стоит он, молчит, на тебя смотрит, а глазами, как аршином, с головы до ног меряет... Я ближе сошёлся с ними, чем с линейцами, хотя и плохо понимал их язык. Они мне очень понравились... Не навязчивы, не заносчивы, знают себе цену и умеют других ценить, а когда столкнёшься с ними на деле, лучших приятелей и не найдёшь».

Вообще Фёдор Андреевич высоко ценил роль дружбы в своей ассоциации. «Наши отношения всегда были дружественны. Я ценил в товарище (Вася) его честность, безукоризненное отношение к обязанностям, работоспособность и активное проявление её, несмотря на его невоздержанность в языке, некоторую долю самомнения и другие мелкие грешки. Нас обоих, несомненно, ещё более сблизил болезнь. Я чувствовал признательность к нему за его сердечные отношения ко мне и заботливость, а он стал сдержаннее, уступчивее и доверчивее».

Как известно, казачество издавна привержено православной вере. Но наряду с этим, процветало суеверие. Щербина некоторое время обучал детей зажиточного казака Григория Львовича Миргородского. И вот однажды в понедельник Григорий Львович запретил заниматься с детьми. «Сёгодня не слид бы займатись им книжками та ученням. — Чого? — вырвался у меня вопрос. — Хиба ж вы забулы, що сёгодня понедилок? — спросил он меня. — Ни, нэ забув, — ответил я, не понимая, к чему клонил своё замечание казачий патриарх. — Понедилок — важкый дэнь, — пояснил он».

Несмотря на это, Фёдор Щербина отметил у казачьих детей интерес и внимание к книжной премудрости. У них на всё было своё мнение. «Когда по русской грамматике шёл урок о падежах, то один из учеников, услышав слово «падеж», с оживлением спросил у меня: «Хиба в граматыци слова так дохнуть, як у нас скот?». Когда же я объяснил ученику, что в грамматике падежами называют изменения слова в конце слова, то он оговорил меня вопросом: «Нащо ж учении люды ввели в грамматику такэ поганэ слово?».

Интересны описания казачьего быта и методов хозяйствования. «Доили на хуторе коров таким же варварским способом, как и всюду по Черномории. Из особого помещения выпускали телят, которые быстро по мычанию матерей находили их. Телят подпускали к соскам матерей для вызова в сосках молока и жестоко деревянными отбивачами мили их по мордочкам, когда они пытались полакомиться материнским молоком при работе доильщицы».

Всем своим трудом бывшие семинаристы хотели показать возможность коренного переустройства земледельческого хозяйства, всей экономики в жизни трудового народа. Всей своей жизнью Ф. Щербина доказывал, что думающему человеку, радеющему за судьбы своих земляков, невозможно просто прожить

[illegible]

На Кубані, у станицях
Любо, легко всім живеться.
Всі їдять там паляниці,
Хліб там білий лиш печеться.
Там багато сала, масла,
Риби, птиці і скотини;
П'ють там чай внакладку часто
І борщ варять с осетрини.
Білі хати держать чисто
І кохаються в садочках,
Носять шалі і намисто,
Ходять купами в рядочках...

